
Владимир АРРО

ТРИ ИСТОРИИ ИЗ ПОДВОРОТНИ

Для одного спектакля

ПОСЕТИТЕЛЬ

Одноактная мелодрама

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Татьяна.

Лев.

Офицер.

Городской двор-колодец, каких много в старых домах Петербурга. Ранние сумерки. В окнах зажигается свет, проявляя узоры, высвобождая яркие или блеклые цвета занавесок. За ними движутся тени — совершается жизнь. Здесь, во дворе, она обнаруживается звуками. Из одного окна доносится визг электродрели, стук молотка, из другого — приглушенное фортепьяно. Слева бормочет радиодиктор, справа плачет ребенок, а мимо подворотни с сухим шелестом проносятся автомобили. В первые минуты спектакля все звуки форсированы, шум улицы сливается с шумом двора, но понемногу наступает относительная дворовая тишина, когда отчетливо слышны и фортепьяно, и радио.

В крошечном сквере посреди двора на скамейке возле песочницы сидит седоголовый, но не старый еще мужчина в плаще, курит. Рядом с ним чемоданчик-дипломат, коробка из-под сигарет. Это Лев. Из парадной в углу двора выходит молодая женщина с таксой на поводке, некоторое время стоит поодаль. Затем, отпустив собаку, проходит ко второй скамейке, противоположной к первой, садится, закуривает, слегка бравируя своей отстраненностью, как это делают женщины, долго живущие в одиночестве. Наблюдает за таксой, глубоко, по-мужски затягиваясь сигаретой. Это Татьяна. Лев не отводит от нее глаз, и это ее раздражает.

Владимир Константинович Арро родился в 1932 году. Писатель, драматург. Автор 15 книг прозы. В 1976 году стал писать пьесы для театра. Первая — «Высшая мера» — была поставлена в Академическом театре драмы имени А. С. Пушкина. Большой общественный резонанс в 1982 году вызвал спектакль Московского театра имени В. В. Маяковского по пьесе «Смотрите, кто пришел!». Автор пьес «Колея», «Трагики и комедианты», «Сад», «Пять романсов в старом доме», «Синее небо, а в нем облака». С 1989-го по 1993 год возглавлял Ленинградскую писательскую организацию. Избирался депутатом Ленинградского — Санкт-Петербургского Совета (1990—1993), председателем Комиссии по гласности. Член Союза писателей Санкт-Петербурга. Член ПЕН-клуба.

Т а т ь я н а . Мальва, фу!.. Фу, я сказала!

Л е в (*полуобернувшись к собаке*). Смотрите-ка, слушается. Англичане, говорят, придумали для непослушных собак ошейник с датчиком. Хозяин дает слабый ток, и — порядок. Дистанция при этом может быть около двухсот метров, экая прелесть.

Татьяна не реагирует.

Я вот думаю, не купить ли лицензию. Как, по-вашему, сбыт найдет? (*Пауза.*) Можно расширить область применения. В педагогических целях, допустим... Опять же, в супружеских отношениях. «Ко мне, я сказала!» А он у пивного ларька, с товарищами... Как вам это понравится? (*Пауза.*) Чем-то все равно торговать надо. Вы чем торгуете?

Татьяна гасит окурок, поднимает воротник, встает.

Т а т ь я н а . Мальва, ко мне!

Л е в . Ну, а что такого, теперь все чем-то торгуют.

Т а т ь я н а . Ко мне, я сказала!

Л е в . Чудная собака, ухоженная. Защищает-то хоть хорошо?

Т а т ь я н а . Хотите проверить?

Л е в . Упаси бог. (*Встает.*) Пойти и мне, что ли, с вами прогуляться.

Т а т ь я н а . Да вы что, дядечка?

Л е в . А чего, тоже буду вас охранять.

Т а т ь я н а . От кого? Пока, кроме вас, к нам никто больше не пристаёт.

Л е в . Ну, могу от себя... Кстати, сигареты кончились. Не одолжите? С отдачей.

Т а т ь я н а . Да ради бога. (*Бросает ему пачку.*)

Л е в . Смотрите-ка, пахитоски!.. (*Закуривает.*) А в наше время дамы «беломорине» радовались.

Т а т ь я н а . Знаю, тогда не курила.

Л е в . А я, сколько себя помню, всегда курил.

Т а т ь я н а . Плохо.

Л е в . Плохо. Вон в том углу двора росла трава. А на ней лежали дрова. Гниловатые такие поленицы... грибным лесом несло от них... Вот — за ними. Первые мои папиросы назывались «Ракета». Мы это дело расшифровывали так: «Ребята, асторожней курите, етот табак атрава». (*Смеется.*) А?.. Как?..

Т а т ь я н а . Плохо.

Л е в . Чего ж хорошего...

Т а т ь я н а . Когда это было?

Л е в . Что?.. А, до войны.

Пауза.

У соседей пудель, препротивнейшее создание... Истерический тип... Валерьянкой отпаивают... А чуть что с животом, водку дают... Как немцу — тридцать три грамма... (*Пауза.*) Ваша не пьет?..

Т а т ь я н а . Не пьет и не курит. (*Встает, провожая взглядом собаку, оборачиваясь ко Льву спиной.*)

Л е в . Да, собачникам у нас нелегко, выгуливать негде. С одной стороны — Невский проспект, с другой — «Англетер». В Сашкин сад разве... Не ходите?

Т а т ь я н а . Далековато.

Лев. С вашими-то ногами?

Татьяна. Так. Еще комментарии будут?

Лев. Не гневайтесь... Я просто...

Татьяна. Вот и не надо.

Лев (*встает*). Вы уходите?..

Татьяна. Да, нам пора.

Лев. Так она ж ничего не успела.

Татьяна. Господи, ну а вам-то что?

Лев (*заступая ей путь*). Не уходите.

Татьяна. Не поняла.

Лев. Ну, сядьте, посидите еще.

Татьяна. Зачем это?

Лев. Поговорим.

Татьяна. О чем?

Лев. Можно и о собачках.

Татьяна. С какой стати?

Лев. Нет, кроме шуток.

Татьяна. Скажите, пожалуйста!.. А вы кто?

Лев. Я-то? В командировке.

Татьяна. Ну, так а я-то при чем?

Лев. У меня скоро поезд.

Татьяна. Ну и с богом.

Лев. Время еще есть.

Татьяна. Не понимаю, у вас последние часы в этом городе, а вы сидите в темном дворе. Сделали бы что-нибудь, чтобы запомнилось... Пошли бы куда-нибудь. Да хоть в пивную, тут, в соседнем квартале...

Лев. А ведь не было, знаете, не было! Фирмы какие-то, издательство — это я еще понимаю. Но чтобы пивная? У дома графини?.. Напротив Петра Ильича?.. (*Касаясь ее рукава*.) Садитесь, я вам расскажу, что там было. Ну, садитесь же...

Татьяна (*высвобождаясь*). Послушайте, если вы клинья подбиваете, то это не ко мне. Ведь вы мне в отцы годитесь.

Лев. Ну, уж и в отцы.

Татьяна. Ей-богу, не меньше. Голова-то седая.

Лев. Да вы что!

Татьяна. А то вы не знали?

Лев. А меня сегодня в магазине назвали «молодой человек».

Татьяна. Это кто-то из слабовидящих.

Лев. Дело большое — голова. Я, если хотите знать, когда сюда приезжаю, возраста не чувствую. Так, какая-то усталость... А лет мне, я думаю, девять...

Из окна позади мужчины раздается звонкий, самозабвенный голос мальчика.

Г о л о с. Кто мчится, кто скачет под холодной мглой? Ездок запоздалый, с ним сын молодой. К отцу, весь иззябнув, малютка приник. Обняв его, держит и крестит старик.

Пауза.

Лев. Кто это?.. Вот уже в третий раз. И все с той же интонацией...

Пауза.

С обреченной... Понимаете, ужас сердце сковал! И не освободиться. Душа сомлела.

Пауза.

С вами так не бывало?

Татьяна. Это Павлуша... Мальва, фу!..

Лев. Бывало?

Татьяна. Слушайте, в самом деле, пошли бы куда-нибудь напоследок. Мало ли хороших мест в городе?

Лев. Ну, а я что?.. Разве здесь плохо? Вот дерево выросло... Свежий воздух... Музыка... Можем выпить даже. *(Достает флягу.)*

Татьяна. Ну вот, начинается...

Лев. Коньяк неплохой. *(Отвинчивает крышку-стопочку, наливает.)* Прощу.

Татьяна. Без меня.

Лев. Ну, хорошо. За наш дом. Зачем куда-то ходить? Все лучшее — в своем доме. *(Выпивает.)*

Татьяна. В какой парадной жили?

Лев. А в той, из которой вы появились. Вон мои окна. *(Встает, прохаживается.)* И с того момента, как вы возникли в дверях, я вам мысленно задал сотню вопросов.

Татьяна отходит к скамье и садится.

Татьяна. О чем?

Лев *(широко улыбаясь)*. Ну, как там... вообще?

Татьяна. Что?

Лев. В нашей парадной.

Татьяна. А что в нашей парадной?

Лев. Ну, как вам сказать... Жизнь идет?

Татьяна. Вопрос, прямо скажем, детский.

Лев. Да, пожалуй... Но, знаете, как-то странно...

Татьяна. Что странно?

Лев. Все почти вымерли, а жизнь идет.

Татьяна. А вы хотели, чтобы остановилась?

Лев. Да нет, что вы... *(Пауза.)* Собачка ваша что-то роет.

Татьяна. Пусть роет. Так ваши окна... которые?

Лев. На самом верху. Квартира двадцать девятая.

Татьяна *(после паузы)*. Да?.. А, ну конечно давно. Там Боженковы сто лет живут. *(Пауза.)* Ладно, налейте мне.

Лев *(возвращаясь на место)*. С удовольствием.

Татьяна. И охота вам?.. Ну, жили. Все где-нибудь жили... И чего вы пришли?

Лев. Выпейте. *(Отдает стопочку.)* Сам не знаю. Тянет. А Виктор Потапыч жив?

Татьяна. Виктор Потапыч?.. *(Выпивает.)* Жив. По утрам посиживает там, где вы сейчас... Палкой постукивает... А что?

Лев. Да ничего...

Татьяна. Значит, вы до войны.

Лев. И в блокаду. Как вас зовут?

Татьяна. Татьяна. А вы?..

Лев. Лев.

Татьяна. А с отчеством?

Лев. Дважды.

Татьяна. Ого! Лев Львович. Как дразнили?

Лев. Кошкин.

Татьяна. Понятно... То-то вы такой робкий.

Лев. Не доказано.

Татьяна. Господи!.. Неужели и я так приду?

Лев. Не советую. Ничего хорошего.

Татьяна. Слушайте, а что-то вы путаете... Боженковы тоже с блокады.

Лев. Ну и что?

Татьяна. В двадцать девятой.

Лев. Ну да.

Татьяна. А вы?

Лев. И мы. Нас было четверо. Двое взрослых и двое детей. Потапыча в начале сорок второго к нам подселили. Соседка у нас умерла, освободилась комната. Давайте выпьем. *(Отвинчивает стопочку.)* Он был милиционером. Ракетчиков ловил.

Татьяна. Да это я знаю... У него медали. Он рассказывал.

Лев. Вы пейте, пейте!..

Татьяна. Ой, господи!.. Это я собачку выгуливаю. *(Пьет.)*

Лев. На самом верху было опасно. Но, как ни странно, удобно. Ведро свежего снега с крыши — это большое благо — кастрюлька воды. А иначе надо было идти на Неву, к проруби. Одна беда — выходить на чердак и крышу строжайше запрещалось. Считалось, что ракетчики посылают свои сигналы вражеским самолетам с крыш. Поэтому висел замок.

Татьяна. Понятно. А у вашего отца был ключ.

Лев. Был. Отец в начале войны возглавлял домовую команду, называлась — МПВО. Местная противовоздушная оборона. Ну, а когда в команде никого не осталось, ключ у него отобрали. А после он обнаружил у себя дубликат. Боженков его выследил. Ну и...

Татьяна. Ну и... принял его за ракетчика?.. Вы что, серьезно?

Лев. Да полно вам. Начитались. Какого ракетчика — отец еле двигался. Боженков узнал и сказал: «Это, сосед, хорошо, давай я тоже буду туда ходить».

Татьяна. Понятно.

Лев. А что, милиционеры не люди? *(Встает, прохаживается, поглядывая на окна.)* Нас было четверо — двое взрослых, двое детей.

Татьяна. Да, вы говорили.

Лев. Собачка ваша стоит у парадной, соскучилась с нами.

Татьяна. Ничего, подождет.

Лев. Вот и я так же стоял, скулил.

Татьяна. Она-то хоть открыть не может, а вы?

Лев. Открывал.

Татьяна. И что?

Лев. Вдыхал запах. Подымал голову. Там наверху пролета вместо крыши — стеклянная призма. Да?

Татьяна. Да. А потом?

Лев. Брался за перила... по которым когда-то так хорошо было съезжать на пузе.

Татьяна. Ужас какой. Ну?..

Лев. Подымался на десять-пятнадцать ступеней...

Татьяна. Ну, так какого черта!..

Внезапно раздается чистый, отчаянный голос мальчика.

Г о л о с . Кто скачет, кто мчится под хладною мглой?.. Ездок запоздалый, с ним сын молодой. К отцу, весь иззябнув, малютка приник. Обняв его, держит и крестит старик...

Пауза.

Л е в . Он что, больше ничего не знает?

Т а т ь я н а . Нет... Ну, так почему только на десять ступеней?

Л е в . Я все боялся, что приду, а все дома: и отец, и мать, и братишка... Сидят за столом, ужинают. Спрашивают: а ты где так долго был? *(Пауза.)* А где ты так долго... *(Пауза.)* А может, боялся встречи с Потапычем.

Пауза. Слышно, как за окнами работают телевизоры.

Т а т ь я н а . Вы не опоздаете на поезд?

Л е в . Нет.

Т а т ь я н а . Откуда вы?

Л е в . Из Самары.

Т а т ь я н а . А почему не самолетом?

Л е в . Люблю в дороге поговорить. В принципе — не тороплюсь.

Т а т ь я н а . Я вижу. Патологически. На пятый этаж подымаетесь сколько?..

Л е в . Полстолетия.

Т а т ь я н а . Вот именно! Вы что, с ума сошли? *(Подходит, берет его за руку.)* Пойдемте!

Л е в . Нет, что вы!..

Т а т ь я н а . Пошли, говорю!

Л е в . Нет-нет... Нас было четверо...

Т а т ь я н а . Пойдемте, вам полегчает..

Л е в *(упирается)*. Нет.

Т а т ь я н а . Послушайте...

Л е в . Отпустите... *(Садится.)*

Т а т ь я н а . Послушайте, что я скажу... Это не болезнь, но... это не очень здорово. *(Садится рядом.)* Поверьте!.. Я не врач, всего лишь медсестра, но я читала... Это навязчивое состояние, психоз... От него очень легко избавиться! Пойдемте, Лев Львович, вы убедитесь. Давайте выпьем для храбрости и пойдем.

Л е в . Да вы что, там Потапыч.

Т а т ь я н а . А что Потапыч? Он тоже выпить не дурак. Узнает — обрадуется. Хотите, я поднимусь сначала одна, предупрежу?..

Л е в *(хватает ее за руку)*. Не вздумайте!

Т а т ь я н а . Вы — трус.

Л е в . Как вам сказать...

Т а т ь я н а . Трус! Трус!

Л е в . Много раз...

Т а т ь я н а . Трус!

Л е вдоказывал обратное.

Т а т ь я н а . Ну, не трус... Малодушный человек. Что меняется?.. Вот и сидите здесь! *(Встает.)* И скулите! Еще хоть целых полстолетия. Мальва! Пошли!.. *(Уходит.)*

Затемнение.

Двор живет, как огромная раковина, в которой хранятся шумы времени: шепоты, стоны, возгласы удивления исчезнувших людей. Они иногда выходят на первый план, овладевают пространством и подавляют реальные звуки.

Лев сидит на том же месте, ничто не изменилось, лишь стало темнее.

Из парадной выходит Татьяна, садится рядом. В руках у нее полиэтиленовая сумка.

Татьяна. Он ждет вас.

Лев (*вздрыгнув*). Ждет? Нет-нет!.. Лучше не надо!..

Татьяна. Все еще трусите?

Лев. Я вас не просил.

Татьяна. Что хочу, то и делаю. Я у себя дома.

Лев. Вот и занимались бы своими делами.

Татьяна. Ну, и не лезли бы с откровениями.

Пауза.

Лев. Простите... Кто у него?

Татьяна. Семья.

Лев. Я понимаю.

Татьяна. Сын, дочь, внуки.

Лев. А Люся? Или как ее...

Татьяна. Людмила Маркеловна. Она умерла.

Лев. Давно?

Татьяна. Пять лет назад.

Лев. Все ж пожила.

Татьяна. Есть хотите?

Лев. Надо подумать.

Татьяна. Чего тут думать. Ешьте. (*Кладет ему на колени сверток.*)

Лев. Спасибо. (*Ест бутерброд.*) Что он сказал?

Татьяна. Пусть придет.

Лев. И все?

Татьяна. И все.

Лев. Идти?

Татьяна. Вы знаете.

Лев (*кивает*). Доем. (*Жует.*) С нее все и началось.

Татьяна. С кого?

Лев. С Люси. Сидим при копилке. Двое детей, двое взрослых. В пальто. Все равно холодно. Два стекла выбито воздушной волной, вместо них фанера. Хлеба нет. Болтанка из обойного клея. В августе родители должны были делать ремонт. Купили обоев. Пачки сухого клея. Ну вот... Появляется Потапыч, с ним миловидная блондинка. В кудрях, с яркой помадой. В белых бурках. Были такие. В основном в системе снабжения. Потапыч говорит: знакомьтесь, невеста. Женимся. Отец говорит: «Очень приятно. А мы умираем». Она говорит: «Да что вы, мы женимся». — «Очень приятно. А мы умираем». — «А мы женимся. Приходите на свадьбу». — «Очень приятно. А вы на похороны». — «Очень приятно». — «И вам того же».

Татьяна сидит, нахохлившись, отвернувшись от него.

Татьяна (*вполголоса*). Врете, я думаю.

Лев. Да нет. Это я помню дословно.

Пауза.

Т а т ь я н а . Ну, и что?

Л е в . Ничего. Вселился. Попросил вторую комнату. Все равно, говорит, вам и одной-то не натопить. Отец отказал. Говорит: вот и хорошо, что холодная, хоть положить будет где, когда кто-то помрет. Потапыч говорит: а не много ли тебе будет — и две комнаты, и чердак?..

Т а т ь я н а . Господи!.. О чем вы...

Л е в . Потом я у них хлеб украл. Вынул из сумки на кухонном столе и съел в коридоре. Граммов двести. Мать просила простить, унижалась. Отдала им брошь, подарок отца.

Т а т ь я н а . Какую брошь?

Л е в . А!.. Ничего особенного Красный камушек в позолоченной оправе. Просто мы умирали. А когда падаешь в пропасть — цепляешься... Вам приходилось висеть над пропастью?

Пауза.

Или смотреть сверху, как кто-то висит?..

Т а т ь я н а . Оставьте меня в покое.

Пауза.

Л е в . Короче говоря, за отцом пришли. Судили как ракетчика. Вещественным доказательством был ключ. Потапыч был свидетелем обвинения.

Пауза.

Т а т ь я н а . Что дальше?

Л е в . Ну, а что могло быть дальше? Семья погибла. Сначала умер брат... Потом с улицы не вернулась мама. Пошла за хлебом... упала в очереди. Дворничиха позже рассказывала. Я почему-то выжил. Люся подкармливала, когда я остался один. Она была добрая. И веселая, все смеялась. Попал в детский дом. С ним — в Куйбышев. Нынче — Самара. Заболтал я вас. Пошли. *(Встает.)*

Татьяна не двигается.

Ну, идем?

Т а т ь я н а . Вы теперь чего от него хотите?

Л е в . Не знаю. *(Пауза.)* Когда я здесь, у меня всегда с собой вот эта штука *(Распихивает дипломат.)*

Т а т ь я н а *(после паузы)*. Вы что, серьезно?

Л е в . Как видите. *(Достает из дипломата пистолет и кладет в карман.)*

Т а т ь я н а . Но... вы же взрослый человек. Неглупый. Судя по всему, образованный. Думаю даже, порядочный. Вы что... можете застрелить старика?

Л е в . Как вам сказать...

Т а т ь я н а . Жалкого, полуживого.

Л е в . Но я же дал ему большую отсрочку. На целых пятьдесят лет. Согласитесь, это не мало. Ведь я же мог исполнить приговор...

Т а т ь я н а . Какой приговор?

Лев. То есть как...

Татьяна. Кто его вынес? Вы?

Лев. Да, тот юнец. Ну, а кто еще? Больше некому.

Татьяна. Ах, вот оно что... Вот зачем вы сюда приходили. Вы сидели и предвкушали убийство.

Пауза.

Лев. Нет. Я думал: должна же быть на свете справедливость.

Татьяна. Послушайте, а вам не странно, что вы, немолодой уже человек и, судя по всему, не бесплодно проживший жизнь, все еще находитесь в плену у того несчастного, ожесточившегося юнца, каким вы тогда были? И вам не кажется, что ваше детство и ваша юность несколько затянулись?

Пауза.

Лев. Кажется.

Татьяна. И что на самом деле пришли вы сюда, чтобы не казнить, а простить. *(Пауза.)* Но очень боитесь этого своего поступка и потому оттягиваете.

Лев. Конечно. Боюсь, что заговорю с ним как ни в чем не бывало. Да еще руку подам. *(Пауза.)* А может, и не подам! А может, выхвачу эту штуку и сразу, без раздумий!..

Татьяна. Что? Договаривайте.

Лев. Что-что... Откуда я знаю. Мы ленивые и отходчивые. Потому и расплодили зло... Скажите, сколько можно прощать? Сколько еще нужно выпустить из нас крови, чтобы мы оцепенели от ужаса, чтобы сердце наше закаменело и рука стала твердой? Ну, что мы за люди? Ах, какие мы подлые — податливые, сговорчивые. И вы, сестра милосердия, со своим дилетантским психоанализом...

Татьяна. Я не сестра. Я — дочь.

Лев. Чья дочь?

Татьяна. Моя фамилия — Боженкова.

Пауза. Она пересаживается на скамью напротив. Лев в шоке, он непроизвольно поднимается на ноги.

Оцениваете пикантность момента? Я только сейчас обнаружила, что жизнью обязана вам. Подымись тот юноша выше второго этажа... Благодарю вас за вашу благородную победу над жадной мести, окончившуюся чудом моего рождения.

Лев. Ну, что ж... мне остается капитулировать. *(Поднимает руки.)* Сдаюсь. Разоружаюсь. *(Достает пистолет из кармана, кладет его в дипломат.)*

Татьяна. Принимаю.

Лев *(доставая флягу)*. И даже с угрызениями совести.

Татьяна, Ну, это слишком большая роскошь.

Лев. Да нет...

Татьяна. Да, да!

Лев. Пусть все, кто пережил эти годы, остаются героями. *(Наливает.)* Время всех уравнивает. Никто не будет забыт. И ничто не будет забыто. Кроме жестокости и малодушия. Зачем это помнить? Это худо, когда детям бывает стыдно за своих отцов. Память должна быть светлой. Выпьем за светлую память! Прошу вас!.. *(Отдает стопочку Татьяне и садится рядом с ней.)* У героя и внуки именуются?

Татьяна. Трое. Два от брата, один от меня.

Лев. И все Боженковы?

Татьяна. Да.

Смотрят друг на друга, молчат. Она вынимает из сумки небольшую модель планера.

Это ваше?

Лев (*вскакивая*). Да!.. Откуда?.. Боже... (*Обеими руками принимает модель.*)

Татьяна. Висела в чулане. Хотели выбросить, я взяла к себе... Повесила над столом. Была младше, думала: вот объявится владелец... Вроде Сани Григорьева вас представляла. Помните, «Два капитана»?

Лев. Не то слово... Спасибо.

Татьяна. Так что в некотором роде... я вас ждала.

Пауза.

Я была романтической девочкой.

Пауза.

Лев. И ведь самое интересное, что я приходил.

Татьяна. Я ждала. Вы приходили. А мы так и не встретились.

Лев. Не судьба... (*Пауза.*) Так, может, поднимемся? Вы говорите, он ждет.

Татьяна (*коснувшись его руки, мягко*). Не надо, Лев Львович. Все. Отрезано. Там у вас больше никого нет.

Лев. Вы уверены?

Татьяна. Да. И больше вы сюда не придете. Слышите?

Лев (*после паузы*). Да.

Татьяна. Вы здоровы. Вы отомстили. Вы простили. Вы удовлетворены. Компенсированы. Понимаете?

Лев (*не сразу*). Да.

Татьяна. Вам надо ехать домой, где бы он ни был. У вас семья. Вас ждут дети. Да?

Лев. Да-да.

Татьяна. А те, кто здесь жил до нас, они останутся... Поверьте, останутся... Прислушайтесь...

Двор оглашается звуками.

В шепотах... В столах... В возгласах удивления... Узнаете?

Лев. Да!..

Татьяна. Пусть так и будет. Не беспокойте их.

Лев. Да. Хорошо.

Татьяна. Вы кому-нибудь рассказывали?

Лев. Нет.

Татьяна. Некому?

Лев. Есть.

Татьяна. Плохо слушают?

Лев. Да. Отвлеченно.

Татьяна. С этим беда.

Лев. Вечное одиночество.

Татьяна. Да. Слова бессильны.

Лев. Только интуиция.

Татьяна. Редкое качество.

Лев. Редкое.

Татьяна. Чтобы на той же волне...

Лев. Или хотя бы в том же диапазоне.

Татьяна. Расскажите мне.

Пауза.

Лев. Квадрат неба... Молочное облако... «Трио» Рахманинова — едва-едва из чьей-то квартиры. Звон посуды. Запах жареной рыбы... С улицы — автомобильный клаксон... И визг затормозившего трамвая... Это возле «Астории».

Пауза.

Татьяна. Да. Я прожила. Запомню. Сейчас трамваи не ходят. Но я представила. *(Встает.)* Сидите здесь. Сейчас я принесу вам брошку.

Лев. Зачем?

Татьяна. Как зачем. Это брошь вашей мамы. Будет вам память.

Лев. Да? Она у вас?.. *(Что-то отвлекает его.)*

У ворот появляются трое военных в камуфляжной форме. Они с автоматами. Двое остаются у ворот, Офицер приближается.

Офицер. Вы из этого дома?

Татьяна. Да.

Офицер. Двадцать девятая в какой парадной?

Татьяна. А вам кого?

Офицер. Вы не ответили.

Татьяна. Я живу в двадцать девятой. Что вы хотите?

Офицер. Ваша фамилия?

Татьяна. Боженкова.

Офицер. Ну, правильно. Это кто-то от вас звонил? Мужской голос. Отец? Брат? Сват?

Татьяна. Это отец! Слушайте, он больной человек. Что он сказал?

Офицер. Что в доме будто бы террорист. Что он пришел ему отомстить.

Татьяна. Что за чушь! Я пойду!.. Я дочь... Я медсестра.

Офицер. Оставайтесь на месте.

Татьяна. У него не в порядке с психикой. Не верьте ни одному слову.

Офицер *(Льву)*. А вы кто?

Татьяна. Мой знакомый. Лев Львович.

Офицер. Тоже здесь проживаете?

Лев. Нет, я приезжий.

Татьяна. И у него поезд! Идите, вы опоздаете.

Лев прячет флягу. Застегивается. Берет дипломат.

Офицер. Одну минуту. Документы у вас имеются?

Лев. Да. *(Протягивает документ)*. Пожалуйста.

Офицер (*возвращает*). Все понятно. Извините, еще одна формальность. Для порядка. (*Профессионально обшаривает одежду, карманы.*) Откройте дипломат.

Лев открывает. Пауза. Офицер отворачивается, закуривает.

Разрешение есть?

Татьяна. Послушайте! Товарищ офицер!..

Офицер. Я не вас спрашиваю.

Татьяна. Я объясню!..

Офицер. Есть или нет?

Лев. Нет.

Татьяна. Ну, что же это!.. Вы не должны!.. Пойдите! (*Рыдает.*) Его нельзя!.. Я столько ждала его!.. Невозможно!..

Офицер (*Льву, взяв пистолет*). Так... Ждали, говорите?.. А старик не ждал... (*Пауза. Покачивая пистолет на руке.*) Почему не сказали, что он игрушечный?.. Купили сыну?.. Так бы и сказали. (*Швыряет пистолет обратно в дипломат.*) Террорист, видишь ли... (*Уходит.*)

Пауза.

Татьяна. Ну, теперь наигрались?.. (*Утерев слезы, усаживает Льва на скамью.*)

Лев. Нет еще. (*Берет со стола планер, что-то проверяет в нем, поправляет и запускает в воздух.*)

Радиоуправляемый планер (или простой бумажный голубь!) в лучах прожекторов делает круги по двору, едва не касаясь стен. Окна одно за другим зажигаются — во дворе полная иллюминация. Гул жизни — голоса, вздохи, обрывки музыки — наполняет его. И взволнованный голос мальчика.

Голос. Кто скачет, кто мчится под холодной мглой?.. Ездок запоздалый, с ним сын молодой. К отцу, весь иззябнув, малютка приник. Обняв его, держит и крестит старик...

Планер делает виражи, снижается. И наконец приземляется. Прожектора гаснут.

Лев. Вот теперь все!

Татьяна, замороженная зрелищем, стоит рядом со Львом без движения. И вдруг обнимает его, прикивает к нему, как к близкому существу после долгой разлуки. Лев прижимает ее голову к себе, гладит, целует.

Татьяна Ты посиди. Я сейчас... Я быстро! Только не уходи!.. Умоляю тебя, дождись меня!.. Милый, родной мой (*целует его*)... только не уходи!.. (*Пятясь к парадной.*) Не исчезай!.. Останься...

Лев садится на скамью и сидит в одиночестве, как вначале, откинувшись на спинку, глядя на окна. Они гаснут, одно за другим. Он встает и уходит.

Лишь одно окно освещено — на верхнем этаже.

ИНТЕРВЬЮ

Одноактная драма

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Потапыч.

Серафима.

Радиожурналистка.

Тот же петербургский двор. Раннее утро. Солнечные блики выстреливают от одного окна к другому, то ослепительно ярко, то приглушенно, следуя игре облаков высоко в небе над колодцем двора. Из открытых окон иногда приходят звуки квартир, в основном хозяйственные — дребезжание посуды, визг пылесоса, иногда радио. Серафима, пожилая женщина, высокая, сухая и, судя по всему, нервная, катит магазинную раздолбанную тележку, уставленную ящиками, по периметру двора, то и дело останавливаясь.

Журналистка (с микрофоном в руке). Здравствуйте! Можно с вами поговорить?..

Серафима. О чем это?

Журналистка. О жизни, о вас, о добрых ваших делах...

Серафима. Поди прочь!. Ты про себя напиши, какая ты дура... А я никакая не добрая. (Отъезжает с громыханьем.) Нашла добрую.

Журналистка. Ну, погодите!..

Серафима (ворчливо). Я никакого добра не делаю, отстань. Ни добра, ни зла. А делаю, чего хочу. И ты пойдешь, найди себе дело, чем к людям приставать.

Журналистка. Ну, поймите!.. Ведь это же важно. Может, ваш пример...

Серафима (резко остановившись). Пример? Какой пример? Господь дал тебе пример, а ты ему следуешь? Вот поди, разберись, как ты живешь, а тогда приходи. Ага. А чего не поймешь, писание почитай. И нечего мне свой набалдашник подставлять, убери, говорю, а то плюну!.. (Покатила.)

Журналистка, не привыкшая к отказам, с обидой и неостывшей надеждой наблюдает за Серафимой издаലെка. А та действительно занята необычным делом. Из некоторых окон чуть не до самого тротуара свешиваются корзинки на крепких шнурах. Вот в эти корзинки Серафима, сверяясь со списком, кладет то пачки кефира, то батон, то бумажный пакет. А деньги из специальной коробочки небрежно перекладывает себе в карман. Корзинки тут же уплывают вверх.

В сквере в центре двора сидит старик с тростью. Это Потапыч, здешний старожил. Журналистка присаживается рядом с ним на скамейку.

Журналистка. Что за странная личность тут у вас обитает...

Потапыч. А вот такая у нас.

Журналистка. Кто говорит, героиня. Кто — святая.

Потапыч. Героиня? А это как посмотреть. Герои среди нас ходят. Иной раз удивишься скромности...

Журналистка. Да-да!.. Это вы правы.

Потапыч. Но уж никак не святая. Святых людей вообще не бывает.

Журналистка. Ну, просто добрая.

Потапыч. Серафима-то? Да полно вам, какая она добрая. Свирепая старуха, таких поискать.

Журналистка. Да ну?..

Потапыч. Да-а!.. Сключница, матерщинница.

Журналистка. Ну, что вы...

Потапыч. Как, вас еще не покрыла? Покроет.

Журналистка. А все же за нею дела.

Потапыч. Дела? А что дела. Дела без выгоды не бывают. Когда вот преследовали за всякую мелочовку, люди не поленились, подсчитали, каков у нее доход.

Журналистка. С чего же это?

Потапыч. Как с чего, со сданной посуды. Это сейчас пакеты, а раньше бутылки были с цветными крышечками... Пробовали тогда обложить ее налогом, она такой мат-перемат подняла... Ну, естественно, жильцы защитили. Вы что, записываете, что ли?.. Аппарат включен?

Журналистка. Да.

Потапыч. А кто разрешил? Я согласия своего не давал.

Журналистка. Это моя работа.

Потапыч. Ишь вы, какие своевольные стали...

Журналистка. Свобода слова.

Потапыч. Свобода... Ладно, прощаю.

Журналистка. Ваше имя-отчество?

Потапыч. Боженков фамилия, Виктор Потапыч.

Журналистка. Здесь давно живете?

Потапыч. С блокады. А вам зачем?

Журналистка. Интересно.

Потапыч. Не знаю, не знаю, что во мне интересного... А с какой целью?

Журналистка. Да вы не бойтесь.

Потапыч. Нет, пережито, конечно, много...

Журналистка. Где?

Потапыч. Так здесь же, вот тут...

Журналистка. И в блокаду?

Потапыч. Всю войну. (*Приосанившись.*) Я в краснознаменной ленинградской милиции служил...

Журналистка. Ну, расскажите что-нибудь о войне.

Потапыч (*приняв значительный вид*). Двадцать второго июня одна тысяча девятьсот сорок первого года гитлеровская Германия вероломно напала на Советский Союз, нарушив мирный труд советских людей. Началась Великая Отечественная война советского народа, закончившаяся полным разгромом гитлеровской Германии.

Журналистка. А что, тележка вот так и стоит, и никто не ворует?

Потапыч. Не было такого случая.

Журналистка. Так что все-таки она за человек?

Потапыч. Кто? Серафима?.. Чумовая старуха.

Журналистка. Муж у нее есть?

Потапыч. Му-уж?.. (*Усмехнувшись.*) А у вас есть муж?

Журналистка. Есть.

Потапыч. Журналист тоже?

Журналистка. Звукооператор.

Потапыч. Ну, а кто у вас верховодит?

Журналистка. В семье? Не знаю... Мужчина, наверное.

Потапыч. Ну, так какой же у нее может быть муж? Так. О ком речь?

Журналистка. О муже.

Потапыч. Да при чем тут муж? Обо мне или о ней? Давайте определимся.

Журналистка. А вы оба меня интересуете.

Потапыч. Ну так... продолжать?

Журналистка. Продолжайте.

Потапыч. Включен?

Журналистка. Постоянно.

Потапыч. А вот это напрасно.

Журналистка. Почему?

Потапыч. Напрасно.

Журналистка. Живой разговор.

Потапыч. Может проскочить всякое.

Журналистка. Вырежем.

Потапыч. Ну, разве что... Продолжаю. *(Тонем докладчика.)* Вероломное нападение дало противнику некоторые преимущества, и, несмотря на большие потери в живой силе и технике, неприятельские полчища быстро продвигались на западном и северо-западном направлении... от них если смотреть, то, естественно, на восток... Неинтересно?

Журналистка. Неинтересно.

Потапыч. Жаль. *(Пауза.)* Давно собирался.

Журналистка. Что?

Потапыч. Подвести некоторые итоги. Имею собственную точку зрения на ход Великой Отечественной войны.

Пауза.

Журналистка. А вы напишите.

Потапыч. Написал. *(Достает из кармана сложенную тетрадку.)*

Журналистка. Посылали?

Потапыч. Посылал. Да разве пробьешься? Всяду мафия.

Журналистка. А вы расскажите, как здесь было, во дворе.

Потапыч. А что во дворе? Это же — двор. Жильцы. Пусть дворник рассказывает.

Журналистка. Я у Серафимы спрашиваю.

Потапыч. А она кто? Уборщица в магазине. А я — офицер. Закончил в звании старшего лейтенанта. Заслуги имею. Правительственные награды...

Журналистка. Я сегодня еще не завтракала. Пойду в магазин, куплю кефиру. Заодно о Серафиме спрашиваю. *(Уходит.)*

Потапыч. Видите, ей про награды. А ее уборщица интересует.

С верхних этажей спускаются на веревках несколько корзин. Появляется Серафима с тележкой. Закладывает провизию в корзины. Потапыч тащится за ней.

Потапыч. Серафима.

Серафима. Чего тебе.

Потапыч. Слышь, Серафима, скоро я слягу.
Серафима. Давно пора. В штаны еще не ходишь?
Потапыч. Будешь мне носить?
Серафима. Еще чего.
Потапыч. Носи, Серафима.
Серафима. У тебя есть кому.
Потапыч. До меня ли им дело?
Серафима. Мне-то что.
Потапыч. С тобой спокойней.

Пауза. Корзины плывут вверх.

Прости, Серафима. Я теперь тебя понял. Ты знаешь, кто ты, а, Серафима? Ты единственная из них — коммунистка, никого не осталось, все переродились, мать их так!

Серафима. Ах ты, старая проститутка! Не ты ли клеймил меня мелкобуржуазным элементом? Налога на меня требовал.

Потапыч. Ну что ж, что называл, я так думал. Не я один, тогда многие так думали. Время было такое. Была генеральная линия, Серафима.

Серафима. Вот теперь засунь ее себе, знаешь куда... *(Отходит.)*

Потапыч *(плетется за ней)*. Значит, другим будешь, а мне нет.. Я буду лежать там позабытый, заброшенный, а ты не заглянешь?..

Серафима. К тебе высоко.

Потапыч. Оставишь подыхать одного, Серафима?

Серафима. Как же... подохнешь...

Потапыч. Что ж моя за доля такая! *(Всхлипывает.)* Никому не нужен. Никто не выслушает... *(Достает платок, утирает слезы.)*

Серафима. Пожалей, пожалей себя. Подумаешь — что в итоге? Так... щепотка чего-то... горько-соленого.

Серафима. Неужто покаялся?

Потапыч. Как сказать... Что я честно долг выполнял — не жалею. Но что мое усердие не пошло на доброе дело — признаю. *(Пауза.)* Ты вот по квартирам ходишь — как у людей?

Серафима. У всех то же самое.

Потапыч. У всех, Серафима.

Серафима. Ах противный ты мужик, никогда ты мне не нравился.

Потапыч. Ну-ну...

Серафима. Идешь, бывало, самодовольный, ухмыльчивый.

Потапыч. Ну, это когда!..

Серафима. Я тебя даже однажды водой облила.

Потапыч. Из окна, что ль?..

Серафима *(кивает. Пауза)*. А скажи, Виктор Потапыч, хоть что-нибудь тебя мучает? Совесть за что-нибудь гложет?

Потапыч. Мучает, Серафима, гудит постоянно, как зубная боль.

Входят в скверик. Серафима садится на скамью. Потапыч остается стоять перед ней.

Серафима. За что? *(Закуривает.)*

Потапыч. А вот когда Люся в больнице лежала, перед последней операцией, я к ней в субботу пришел, а операция была назначена на понедельник. Ну, принес передачу — виноград, апельсины, их лучше всего на тумбочке видно — значит, к тебе ходят, значит, ты не один... Ну, посидел возле минут пятнадцать, а в палате много их, душно, смрадно. Кто бредит, кто халат выше пояса задирает, кому родственники простыню меняют. Думаю: как мне скорее уйти отсюда. А Люся мне руки целует, глазами одними умоляет: не уходи, страшно! Не уходи, не бросай!.. Веришь-нет, Серафима, мне и жалко ее, Люсю мою, а все естество прочь стремится, на воздух, тошнота подступает...

Серафима. И ушел?

Потапыч (*присаживается*). Ушел. Минут десять еще промаялся и ушел. Дома курил одну за другой, водки выпил да и развеялся. Так развеялся, что на следующий день, в воскресенье, думаю: а чего я пойду? Сходи, говорю, дочка, теперь ты, а я уже был. Тянул меня кто-то, толкал: иди, мол, иди, простишь. А я снова выпил. Ну, куда теперь пойдешь, сиди, мол, все обойдется. После сходишь. А на следующий день, в понедельник, идти уже было не к кому... К Люсе моей... (*Всхлипывает. Утирает слезы.*) Вот так, Серафима, отвечу на твой вопрос.

Пауза.

Серафима. Это хорошо.

Потапыч. Что?

Серафима. Что мучаешься. Значит, она тебя простила.

Потапыч. Сам себе никогда не прощу. Может, если б я пришел... (*Утирается.*)

Серафима. Слушай, эта опять идет.

Потапыч. Кто?

Серафима. С микрофоном.

Потапыч. Это ко мне.

Серафима. Чего ей надо?

Потапыч. Про жизнь выпытывает. Ничего ей не скажу. Тебе скажу, Серафима, ты спрашивай.

Серафима встает и уходит к своей тележке. Журналистка, провожая ее взглядом, садится на скамью.

Журналистка. Никто слова доброго не сказал. Всех обругала, со всеми в ссоре.

Пауза.

Потапыч. Так будете репортаж о ней?

Журналистка. Ой, прям не знаю... Тяжелый случай. К самой не подступись... Давайте с вами закончим.

Потапыч. Я чего, я долг выполнял.

Журналистка. В чем состоял ваш долг?

Потапыч. А то не знаете? Немца раздолбать!.. Вот в чем.

Журналистка. Как его раздолбашь, если он город окружил и к себе не подпускает.

Потапыч. А вот тут и вступает в дело особая тактика советского командования. Думаете, зря наши органы свой паек ели?.. Все было спланировано. Войска

Ленфронта надо было вывести по коридорчику... Да так, чтоб противник видел, что путь открыт.

Пауза.

Журналистка. И что дальше?

Потапыч. Что дальше. Заманить их в город, а потом — рвануть!

Пауза.

Журналистка. Это вы сами придумали?

Потапыч. Зачем сам. Был план. Официально. Назывался «План Д». По уничтожению врага в захваченном городе. Это до того у же в Киеве было опробовано.

Журналистка. То есть как?

Потапыч. А вот тебе и как. Как Кутузов сделал? Заманил, а после поджег. Кто о нем худое слово нынче скажет? И Москва стоит.

Журналистка. Но ведь люди...

Потапыч. Что люди, что люди!.. Чуть что — сразу люди... Люди все равно по-вымерли бы. Их кто, немец стал бы кормить? А кто мог ходить, тот бы ушел через специальные коридоры.

Журналистка. Что вы плетете! Нелепый старик! Как же можно город с больными людьми подрывать?..

Потапыч. Так война же!..

Журналистка. С детьми, стариками. Как у вас язык поворачивается на такую фантазию.

Потапыч. Фантазию, говоришь?.. А хочешь знать, что уже все было подготовлено для взрыва?

Журналистка. Не могло быть!

Потапыч. Было!

Журналистка. Чушь!

Потапыч. Если б Сталин Жукова не забрал...

Пауза.

Журналистка. Бред какой-то...

Потапыч. Да что ты все — чушь, бред!.. Я сам был в секретной команде.

Журналистка. Вы? В какой должности?

Потапыч. Не скажу.

Журналистка. И что вы минировали?

Потапыч. А все подряд. Заводы, мосты, водопровод, телеграф, АТС, торговый порт — ну, что ты будешь делать, за что ни возмись в нашем городе, — все военный объект.

Журналистка. И Александринку?

Потапыч. Не могу знать.

Журналистка. И Адмиралтейство?

Потапыч. Не имею права. Я эту страшную тайну с собой унесу.

Журналистка. И Эрмитаж?

Потапыч. Девушка, какой Эрмитаж? Это был стратегический объект двойного назначения.

Журналистка. Врете вы все! Все врете! Не могло быть такого плана. А если бы был, патриоты города никогда бы не дали ему осуществиться.

Потапыч. Ладно. Как знаете... Ну что, работать-то будем?

Журналистка. Что работать?

Потапыч. Ну, интервью.

Журналистка. Так вы уже поработали.

Потапыч. Чего поработал?

Журналистка. Вон столько чуши наговорили... *(Достает кассету.)*

Потапыч. И все записала?

Журналистка. Естественно.

Потапыч. Отдай.

Журналистка. Еще чего.

Потапыч. Отдай!

Журналистка. Не отдам!

Потапыч. Не имеешь права.

Журналистка. Кассета — собственность телерадиокомпании.

Потапыч. Государственная тайна!

Журналистка. Надо было хранить.

Потапыч. Отдай! Доложу, куда следует.

Журналистка. Пресса — независима и работает без цензуры.

Потапыч. Тайны все равно есть. И их надо хранить.

Журналистка. Правду не спрячешь.

Потапыч. Ты меня погубишь.

Журналистка. А вы?.. Такой город хотели погубить! Да еще, говорите, со всеми жителями. Вот теперь и ответите.

Пауза.

Потапыч. А я можно чего скажу?

Журналистка. Чего?

Потапыч. А у тебя кофта на левую сторону... А-а!.. *(Смеется.)* Неряха! Неряха ты!.. Так же и с репортажами!..

Журналистка спешно уходит.

(Вдогонку.) Нельзя тебя допускать к серьезному делу! *(Берется за сердце.)*

Как-то внутренне вдруг затихший Потапыч медленно и осторожно ложится на стол. И постепенно двором овладевает мир звуков. Они всегда живут в нем, как живет шум прибоя в большой раковине, но когда становится очень тихо, они постепенно выходят на первый план и овладевают слухом. Это обрывки речи живших здесь женщин, мужчин и детей, музыкальные пассажи — неважно, чем рожденные: скрипкой, радио или патефоном, это шорохи, вздохи, возгласы удивления, бой часов или трель телефона. И среди них — так же сверху, будто отлетевший, — звучит голос самого Виктора Потаповича Боженкова.

Потапыч. Серафима! Ты где?.. Плохо мне. Ты завтра и начинай... Чего-нибудь... Чего другим, то и мне... Кефирчику... сырок с цукатом... Важно ведь внимание... А лучше не надо, Серафима... Принесут. Тебя о другом попрошу... Устрой мне проводы во

дворе... Вот на этот стол поставь, где я лежу... Как гражданина... Как патриота... Ногами только в сторону подворотни. Неправильно лежу... Музыка не заказывай, дорого. Какую-нибудь пластинку поставь. Баха или как его... Дочка знает... Ой, а чего это?!

Потапыч вдруг вздрагивает всем телом и открывает глаза. Из окна третьего этажа на него летит широкая лента воды. У Потапыча хватает сил увернуться. В окне Серафима с кувшином.

Серафима. А чего это ты разлегся, служивый?..

Потапыч. Кончай, Серафима!.. Нашла забаву. *(Встает, кряхтя, слезает со стола, отряхивается, не переставая ворчать.)* Озорница старая... Все не как у людей...

Серафима. Поднимайся сюда, Потапыч. Смотри, какая старушка лежит в чепце, словно куколка!.. Щечки розовые, духи французские!.. А вот я вас сосватаю!..

Потапыч. Иду, иду!..

Кряхтя, опираясь на трость, Потапыч уходит в парадную.

БРОДЯЧАЯ МУЗЫКА

Одноактный трагифарс

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Первый.
Второй.
Женщина с мальчиком.

Двор-колодец. Утренний час, когда в доме остаются только домохозяйки и пенсионеры. Солнечные лучи падают лишь на верхние ряды окон одной стены, ниже по стелам гуляют много раз отраженные солнечные блики.

Два пожилых бродячих музыканта, Первый и Второй, каждый — человек-оркестр с чудовищным набором инструментов, в ярких шутовских одеждах стоят посреди двора, подняв головы, как бы к чему-то прислушиваясь.

Первый. Третье слева.
Второй. На каком?
Первый. На четвертом.
Второй. Не вижу.
Первый. За занавеской.
Второй. Скотина.
Первый. Пацан, должно быть.
Второй. Уши надрать.
Первый (*вздыхнув*). Поехали.

Вместе (в сопровождении скрипки, гитары, барабана, бубна, каких-то трещоток и еще черт знает чего). С бою взяли город Брянск! Город весь прошли! На последней улице название прочли! А название такое, прямо слово, боевое, Минская улица на запад нас ведет! Значит, нам туда дорога, значит, нам туда дорога! Минская улица! На запад нас ведет.

(Выбор песен — как примету времени — автор всецело передает на усмотрение постановщика.)

В середине куплета сильная струя воды, пущенная из какого-то пневматического устройства, зигзагом падает на певцов. Пока Первый допевает куплет, Второй отряхивается.

Второй. Слушай, дебил, ты кончай эти прятки, покажи морду свою дебиленькую! (*Вытряхивает воду из гитары.*) Рахит недоделанный.

Первый (*не переставая играть*). Давай, давай!..

Вместе. С бою взяли город Минск! Город весь прошли! На последней улице название прочли! А название такое, прямо слово, боевое — Брестская улица! На запад нас ведет!..

Гнилой помидор шлепается рядом со Вторым, он потрясает кулаком, но поет.

Значит, нам туда дорога, значит, нам туда дорога! Брестская улица!

Другой помидор попадает в шляпу.

Второй. Скотина!

Первый. На запад нас ведет!

Звучит музыкальный проигрыш, хотя он и не предусмотрен.

Второй. Не даст работать.

Первый. Кочумай.

Падает сверток.

А это что?..

Второй. Засранец. *(Брезгливо поднимает.)* Четвертной.

Первый. Вот видишь? Поехали!

Вместе. С бою взяли город Брест! Город весь прошли! На последней улице название прочли. А название такое, прямо слово, боевое. Берлинская улица!..

Струя воды заставляет их судорожно дернуться.

На запад нас ведет! Значит, нам туда дорога, значит, нам туда дорога! Берлинская улица! На запад нас ведет. На Берли-ин!..

Они заканчивают под целой серией водяных зарядов.

Второй. Не, я не буду здесь. *(Снимает шляпу, уходит, отряхиваясь.)* Пошли.

Первый. Постой!..

Второй. Молокосос!.. *(Трясет кулаком.)*

Первый. Отойдем.

Второй. Козел вонючий. *(Громко.)* Козел!.. Понял?..

Первый. Не ори.

Второй *(тихо)*. Вонючий. Понял?..

Первый. Будем ходить по двору.

Сверху падает сверток.

Второй. Опять какая-нибудь пакость.

Первый *(развернув бумагу, взглянув удивленно вверх)*. Однако.

Второй. Что?

Первый. Полсотни.

Второй. Иди ты.

Первый. Понравилось.

Второй. Не, это не пацан. Кто-то другой.

Первый. Оттуда же. Поклон.

Второй. Пошел к черту.

Первый. Поклон, говорю!

Картинно кланяются.

(Прячет деньги.) Будем башлять. Третий номер.

Второй. Может, не надо?

Первый. Надо. Поехали.

Притоптывая, исполняют проигрыш.

Вместе. С одесского кичмана шагали два уркана. Шагали два уркана налегке. Раз-два!

Далее история повторяется: из того же окна в них летит то гнилье, то какие-то ошметья, то струи воды, то свертки с деньгами. Они бодро заканчивают номер и, смиренно утираясь, отряхиваясь, идут по двору собирать добычу.

Первый (*разворачивая бумагу*). Помереть-уснуть.

Второй. Сколько?

Первый. Сотня.

Второй. У меня тоже.

Первый. Меценат хренов.

Второй. Идиот. Костюм-то испорчен.

Первый разворачивает сверток, роняет его и с омерзением смотрит на свои руки.

Что там?

Первый. То самое.

Второй. Что самое?

Первый. Что-что... Говно!

Второй. Он издевается.

Первый. Дрянь какая...

Второй. Фу, мерзость!

Первый. Достань термос.

Второй. Засранец! (*Поливает на руки Первому.*)

Первый. Думает, если бабки, ему все позволено.

Второй. Ненавижу!

Первый. Я пойду швырну ему его деньги! (*Лезет в карман, но достает платок, утирает руки.*) Сволочь.

Второй. Пойдем отсюда. Такого унижения (*С нафосом.*)... ни-ког-да...

Первый. Что за харя такая? (*Смотрит вверх.*)

Второй. ...еще не испытывал.

Первый. Ну, покажи, покажи свою толстую харю!

Второй. Меценат долбаный.

Первый. Прячется.

Второй. Шизофреник.

Первый. За яйца повесить.

Второй. Вот именно.

Первый. Давай.

Второй. Чего?

Первый. Работать.

Второй. Чего работать-то?..

Первый. Чего-чего, пятый номер!

Расходятся, чертыхаясь. Второй посылает кверху проклятия, потрясает кулаком. Понемногу успокаиваются, сходятся. Нежные звуки мандолины с гитарой. Певцы исполняют «Санта-Лючию». Лица их светлы, покойны, даже слащавы, но свет и покой порою сменяются тревожным ожиданием и короткими взглядами наверх. Здесь автор полностью доверяет мимическому искусству актеров и оставляет лишь пожелание не сбиваться на клоунаду, а следовать в русле трагифарсового существования.

(В середине номера во дворе появляется низкорослый, крепко сбитый мужичок и останавливается поодаль, с интересом слушая певцов. А в конце последнего куплета, когда дело идет к последней фразе, он вдруг приподнимается на цыпочки и поет ее голосом чуть ли не контртенором. Пока он тянет верхнюю ноту, певцы успевают несколько раз нервно переглянуться. Наверху аплодируют. Оба слащаво улыбаются, раскланиваются.)

Первый. Пошел вон! *(Кланяется.)*

Второй. Убирайся! *(Кланяется.)*

Первый. Так и рыщут, так и подкарауливают!..

Мужичок исчезает. Сцена необязательна.)

Звучат шумные аплодисменты, и сверху на артистов вдруг сыплется золотой дождь: это ассигнации, звонкие монеты вперемежку с золотыми нитями, золотой и серебряной елочной мишурой. Счастливые артисты вздымают руки навстречу золотому потоку.

Затемнение.

Тот же двор. Первый накрывает ужин на столике в середине сквера. Второй стирает в тазике в сторонке. Возле каждого банка с пивом.

Первый. А ты представь себе военно-полевые условия, Петров!

Второй. Ага. По защите отечества.

Первый. Окопы. Передовая...

Второй. От негодяев.

Первый. И что вместо кульков сыплются мины. Осколки... Вот так, знаешь... *(Показывает.)* У-у-у!.. Бах-ба-бах!..

Второй. Говорят, после затяжной обороны все окопы были в говне. *(Вдруг замирает. Подозрительно принюхивается к рукавам. Это теперь у обоих певцов станет манией и будет сопровождать их до конца.)*

Первый. Вот именно. А ведь концертные бригады куда только не попадали.

Второй. Э-э, по мне, лучше уж мины...

Первый. Ну-ну, не дури... Живой ходишь. Да еще и деньги платят.

Второй. Да пошли они!.. *(Достает из кармана скомканные купюры, смотрит на них испепеляющим взглядом, но, помедлив секунду, снова прячет в карман.)*

Первый. Да ты садись... Давай перекусим. И заодно перетрем... Тут ведь спокойно надо... Разберемся... Проанализируем... За и против... Это туда, то сюда...

Садятся за стол.

Второй. Ты вот скажи мне, что это?.. *(Глазами обводит двор, как будто видит впервые.)*

Первый. Фортуна! *(Нюхает свои руки, ненадолго замирает, но потом ест куриную ножку, вынутую из фольги.)*

Второй. Ну да, я понимаю... *(Тоже нюхает руки и принимается за еду.)* Счастливый жребий...

Из окна сверху летит тухлый помидор, шлепается о стол.

А это?..

Первый смахивает его, продолжает есть.

Первый. Не бери в голову. В самочувствии актера *(грызет косточку)*, самое главное *(обгладывает)* — холодный нос *(вытирает салфеткой губы)*, голубой глаз *(нюхает руки)* и пустой мочевого пузырь.

Второй. Это тебя так в Институте культуры учили?

Первый. Вовсе даже наоборот! Кроме пузыря, разумеется...

На стол падают картофельные очистки, объедки и прочее содержимое помойного ведра. Первый спокойно и даже как-то величественно их сметает, помавая рукой.

Запомни, сердце твое молчит.

Второй. Кипит!

Первый. Напрасно.

Второй. Кровью обливается!

Первый. Сразу видно, ты — дилетант.

Второй. Да, я из художественной самодеятельности. И что? Из бывшего драмколлектива! Несуществующего Дома культуры. Теперь там вещевая ярмарка.

Первый. Там ей и место. Любительского искусства не существует. Есть только «Любительская» колбаса!

Второй. Кстати, неплохая.

Первый. А я профессионал. И когда меня забрасывают тухлыми яйцами, я знаю, что таковы правила игры. В другой раз будут кошельки с золотом.

Второй. А когда меня обливают *(уклоняясь от летящего помидора)*... помоями, мое сердце плачет!

Первый. А мое — ликует! *(Швыряет деньги на стол.)*

Второй. А мое — рвется на волю! *(Тоже швыряет деньги.)* Все-таки я заслуженный деятель культуры.

Первый. А мое... *(Похлопывает по карманам.)* Все.

Второй. А мое... *(Выворачивает карманы.)* Тоже все.

Первый. А в общем — порядок в танковых войсках.

Шепча губами, закатывая глаза, считают деньги.

Второй. Не слабо.

Первый. Много?

Второй. Много. Больше тыщи. А у тебя?

Первый. Меньше тыщи.
Второй. На!..
Первый. Оставь себе. У тебя семья, Петров.
Второй. Не-не!.. Порвну, Савельев.

Сидят, курят.

Первый. На золотую жилу напали. Трехмесячный заработок.
Второй. Не нравится мне это.
Первый. Клондайк.
Второй. Я бы ушел. Кидает и кидает. Поди знай, что там.
Первый. Мы выше этого.
Второй. Вот залепит он в тебя еще раз говном.
Первый. Увернусь.
Второй. Брызги долетят.
Первый. Слушай, а ваше звание как называется?
Второй. Какое?
Первый. Ну вот — заслуженный деятель культуры.
Второй. Так и называется.
Первый. Нет, в обиходе.
Второй. Ну, знаешь...
Первый. По-простому!.. По-нашему, а?..
Второй. Как-то это... Засраку. К чему это?..
Первый. Засраку!.. (*Смеется.*)

Хохочут оба.

Первый (*серьезно*). Ну, так а ты чего ждал?
Второй. Не надо мне ничего... Не ждал и не жду...
Первый. Ладно, ладно... Еще немного и уйдем!
Второй. Бодал я эту демократию.
Первый. Мы будем сами себе хозяева.
Второй. Проживу без свободы. Была бы воля. Мне и воли хватит...
Первый. У нас все впереди. И небо в алмазах, и нос в табаке. А воли столько —
хоть соли.
Второй. Костюмы как из помойки.
Первый. Вычистим.
Второй. Рубашки как... половые тряпки!
Первый. Постираем.
Второй. Нам и до дому в них не дойти — воняет.
Первый. А мы и не пойдём.
Второй. То есть как это?
Первый. В баньке решил помыться? Ишь ты какой чистоплотный. А место —
займут.
Второй. Кто?
Первый. Да мало ли артистов шатается. На вокзалах — поют. В электричках —
поют. В пивных — поют. А куда им деться? Ленконцерт, говорят, разогнали. Эстраду —
к чертовой матери. Говорят, скоро и оперу разгонят. Нет, за место надо держаться.
Второй. Так что нам теперь — здесь ночевать?
Первый. А что ж, раз напали на золотую жилу.

Второй. Хороши старатели. Золотари!

Первый. Нас здесь приняли. Мы востребованны.

Второй. А в говне?

Первый. Боже ты мой!.. Ну, называй это по-другому. Социально ангажированны. То же самое.

О стол шмякается тухлое яйцо.

Второй. Сволочь какая.

Первый. Не огорчайся. За нами духовность. Культура-а!.. *(Зевает.)*

Певцы зевают, потягиваются. Роняют головы на стол. Темнеет.

Раннее утро. Артисты просыпаются, вылезают из подвала. Во дворе чирикают воробьи, курлычат голуби, шаркает метла дворника. А также скворчит яичница.

Второй. Слышишь, Савельев?.. *(Принюхивается, жмуря глаза.)*

Первый. Что?

Второй. Скворчит! Яичница на сковородке.

Первый. Где?

Второй. Там же.

Первый *(подумав)*. С беконом?

Второй. Пожалуй, с беконом.

Первый. Значит, свежие — себе, а протухшие — нам?

Второй. Ты думаешь, он сам себе ее жарит?

Первый. Ну, что ты, кухарка. Он — барин. *(Показывает, как сидит барин в ожидании завтрака.)*

Второй. Он — говно.

Первый. Нехорошо так о своем меценате. *(Громко, подобострастно.)* Доброе утро!.. Нет ответа... Доброе утречко!.. *(Молчание.)* Ну что ж, приятного аппетита...

Настраивают инструменты. Сверху выливают ночной горшок.

Второй. Моча?

Первый *(удовлетворенно)*. Во всяком случае, не говно. *(Равнодушно.)* Ночной горшок, должно быть.

Второй. С утра издевается.

Первый. А мы ему — бодренькое! Седьмой номер! *(Отбивает такт.)* Начали!

Вместе. По улице ходила

большая крокодила.

Она, она —

голодная была!..

Сыплются деньги.

Второй *(на музыке)*. Что-то сегодня одни четвертаки.

Первый. Зато много.

Второй. Что я, ишак ему — десять раз поклоняться.

Первый. Считай, что выходишь на поклоны.

Второй. Иди сам кланяйся.

Первый. Новенькие купюры.

Второй. Слушай, а это не фальшак?

Сверху летит всякий хлам.

Второй. Не могу! Не могу! (*Швыряет деньги, топчет их.*) Не могу больше! Пойдем отсюда, Петров! Уйдем, не оглядываясь! А?.. Да чтобы я... Да я же... (*Плачет, размазывает слезы.*)

Летят струи воды, с треском ложатся вблизи артистов.

Ты что же, ублюдок! Пожилого трудящегося человека... Пенсионера!.. Да я всю жизнь на заводе... на ниве культуры!.. Массовиком всю жизнь проработал, никто мне слова худого не сказал... За что же ты меня так унижил?

Первый (*собрав деньги, усаживает коллегу и садится рядом с ним*). Ранимый ты мой... Успокойся...

Второй. Да!.. (*Всхлипывает.*) За что?..

Первый. Тонкий...

Второй. Вот именно...

Первый. Чувствительный.

Второй. Мы и так, знаешь, не в лучшем виде. Вроде шутов... Наряды дурацкие...

Первый. Это жанр.

Второй. Я понимаю... Башмаки каши просят...

Первый. Это маска.

Второй. Да-да...

Первый. Артистический образ.

Второй. Но я же не возражаю. Но говно-то зачем?

Первый. Это прием.

Второй. Ох!..

Первый. Это метафора. Надо терпеть, Петров.

Второй. Доколе, Савельев?

Первый. Пока будем востребованны.

Второй. Гнусный репертуар...

Первый. Поставим вопрос...

Второй. Очень противно.

Первый. Это временно.

Второй. А говно?

Первый. Не всегда, бывает моча.

Второй. Как унижают!..

Первый. Но и ценят. А вот когда убедимся, что мы не нужны...

Второй. Пойдем со двора, Савельев, да?

Первый. Возможно... А возможно, поработаем над репертуаром. Ты знаешь, мы могли бы петь песни народов СНГ.

Второй (*подумав*). А почему не ОДКБ?

Первый. Разумно.

Второй. Скажи, а чем хуже трофейные песни?

Первый. Что ты имеешь в виду?

Второй. Грузинские, украинские.

Первый. Ничем не хуже! Это неплохая идея. Вот видишь, еще немного, и уйдем! У нас все впереди!

Второй. Мы будем сами себе хозяева, да, Савельев?

Первый. Да, Петров! А пока надо терпеть. Верь, настанет день! Мы займемся искусством! Знаешь, Лев Толстой, когда попал в сложную ситуацию, успокаивал себя так. Но ведь это, рассуждал он, могло кончиться еще хуже. Разумно?

Второй. Разумно.

Первый. Далее. Я всегда должен помнить, говорил он, что есть люди, которым хуже, чем мне. Правильно?

Второй (*пожимает плечами*). Наверное...

Первый. И третье! Это когда-нибудь кончится... Да-да, кончится.

Пауза. Смотрят друг на друга.

Второй. Это когда-нибудь кончится... (*Посреди двора, задрав голову к окнам, громкогласно.*) Это когда-нибудь кончится?..

Первый. Нет, ты не Лев Толстой..

Пауза.

Второй (*задрав голову к небу, потрясая руками*). Это когда-нибудь кончится?!

Пауза.

Первый. Это когда-нибудь кончится?!.

Пауза.

Вместе. Это когда-нибудь кончится?!.

Далее звук выключается. Певцы, вздымая руки к небу, продолжают что-то выкрикивать, но их не слышно. Свет меркнет.

Здесь можно закончить спектакль. Но если будет желание, на финал можно сыграть пантомиму.

Они стерпят все, утрутся, умоются, поселятся в подвале — что называется, обустроятся. Костюмы их превратятся в грязные лохмотья. Струны порвутся, инструменты расстроятся. Они простуженно захрипят, засипят, но петь будут: под бубен и губную гармонику. Всякую дребедень. То ли золотой дождь, то ли елочная мишура в разноцветных огнях будет летать и кружиться над ними как символ надежды, как обещание грядущего праздника.

Однажды утром во двор придут другие, слепые певцы — мать и сын. Держась друг за друга, обогнув двор, чисто и свято споят псалом.

Падшие артисты подстроятся к ним. Так, не переставая петь, положив руки друг другу на плечи, они и уйдут вчетвером.